

Любовь и тайна

Цикл романов
«Советский колдун»

Любовь колдуна

Наследство колдуна

В моих глазах - твоя погибель!

Чёрная карта судьбы

Елена
Арсеньева

Черная
карта судьбы

Москва
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Художественное оформление *Елены Анисимой*

Иллюстрация на обложке *Елены Черновой*

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Черная карта судьбы / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с.

ISBN 978-5-04-102595-3

Черную карту из своей колоды выбросила Судьба для Лизы Морозовой... Друг за другом ушли из жизни мать Лизы, любимая тетя Женечка и ее муж. Юная лейтенант милиции не связывала воедино эти события — пока на ее пути не встал загадочный человек, который сообщил, что все трое пали жертвами страшной мести, и еще двое из их семьи скоро тоже умрут в мучениях. Мстят, поняла девушка, не нынешние преступники, которых она сажала за решетку, а кто-то из далекого прошлого. Ведь она и ее отец — потомки могучего колдуна Грозы, погибшего в неравной борьбе со злом...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е., текст, 2019
© Чернова Е., иллюстрация
на переплете, 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102595-3

Есть на небесах Бог, открывающий тайны.

Книга пророка Даниила

Что пользы человеку, если он завоюет мир, но потеряет при этом душу?

Евангелие от Матфея

ПРОЛОГ

Москва, 1991 год

...**В**ыступление знаменитого Антона Каширского шло своим чередом. На сцене стояли загипнотизированные зрители, некоторых из них Каширский уже избавил от болезней, считавшихся неизлечимыми. Зрительный зал был в восторге и ожидал очередных чудесных исцелений. Внезапно в третьем ряду поднялся высокий широкоплечий мужчина и крикнул:

— Это все, конечно, очень здорово, только начинает надоедать. Мы что, в поликлинику на прием пришли? Билетики-то не дешевые! Покажите настоящие чудеса! Как Дэвид Копперфильд. Слышали о таком?

В зале снова зашумели. Это имя было знакомо всем. В минувшем году телевидение показало серию совершенно ошеломляющих фильмов о знаменитом американском фокуснике. Впрочем, слово «фокусы» сюда мало подходило. Скорее, это было похоже на волшебство. И, хоть в прессе появилось множество статей, раскрыва-

ющих тайны и зеркал, и тросов, и дыма, и ящиков с двойным дном, и прочих выдумок Копперфильда, это не ослабило восторгов публики.

— Разумеется, я о нем слышал, — ответил Каширский. — Но Копперфильд — иллюзионист, а я — гипнотизер. По-моему, фокусы Копперфильда — это пустая трата очень больших денег. От его фокусов никому ни жарко ни холодно, пользы они не приносят, только развлекают.

— Да мне лично от ваших исцелений тоже не жарко и не холодно, — выкрикнул недовольный зритель. — Я здоров как бык! Но скоро заболею со скуки. Покажите что-нибудь поэффектней, чем вся эта знахарская ерундятина.

Каширский задумчиво посмотрел на него, нахмурился было, но тотчас улыбнулся и решительно сказал:

— Хорошо. Я прикажу одному из тех, кто стоит на сцене... Ну, притягивать металл, что ли. Это вас устроит?

— Как это — притягивать металл? — удивился зритель.

— Да очень просто, — пожал плечами Каширский. — Сейчас сами увидите. Только выберите кого-нибудь из загипнотизированных, чтобы он исполнил роль магнита. Да-да, сами выбирайте. Не хочу, чтобы меня упрекали, будто я использую подставных лиц.

Зритель несколько мгновений раздумывал, а потом крикнул:

— А вот эта блондиночка в черном платье пусть притягивает железяки!

Каширский положил руку на плечо светло-волосой женщине, стоявшей с таким же отрешенным видом, как и прочие загипнотизированные:

— Вы о ней говорите?

— О ней, о ней! — подтвердил неугомонный зритель.

— Ну что же... — покладисто кивнул Каширский и обратился к женщине: — Как вас зовут?

— Мила Павловская, — проговорила она тусклым безжизненным голосом.

— Мила, вы боитесь того, что сейчас произойдет? — спросил Каширский.

Та покачала головой.

— А вы не хотите спросить, что именно я собираюсь сделать?

Блондинка снова покачала головой. Весь ее вид говорил о полностью подавленной воле.

— Ну что же, уважаемые зрители! — воскликнул Каширский, непрерывно фиксируя взглядом Милу Павловскую. — Вот вам чудо! Начнем с мелочи.

Он простер одну руку к женщине, другую к залу — и замер.

Внезапно раздался свист и звон. Эти звуки издавали вихри монет, которые вдруг начали вы-

летать из карманов людей, стоявших на сцене, и устремляться к Миле Павловской.

Тотчас раздались испуганные вскрики в первых рядах: там зрители тоже начали расставаться с мелочью! Вот задержались, хватаясь за карманы, сидевшие и в пятом, десятом ряду... Лиза почувствовала, что ее сумочка сотрясается. Мелочь рвалась из кошелька, но и он, и сумка были надежно застегнуты.

Между тем монеты — старые, десятикопеечные и полтинники, и новые, уже в этом году выпущенные пяти- и десятирублевые, — прилипали к рукам и груди Милы Павловской, не касаясь только лица, так что буквально через минуту она казалась облаченной в некие серебристо-медные доспехи.

Зал испустил единодушный вопль изумления и восторга.

Вдруг Лиза увидела, как отрешенное выражение на миг соскользнуло с лица Милы Павловской и ее рот изогнулся в издевательской ухмылке. Казалось, она сдернула было с лица маску безучастной покорности — но тотчас натянула ее снова.

Она не загипнотизирована. Каширский тут ни при чем. Эта Мила Павловская проделывает все самостоятельно.

Самостоятельно? Какой же силой она обладает?

Мила Павловская...

Лиза вцепилась в ручки кресла. Хотелось бежать, бежать отсюда, но она не смогла бы сдвинуться с места.

Ужас заставил ее окаменеть!

Она не верила своим глазам — вернее, не желала верить. Несколько раз зажмурилась, по-детски надеясь, что страшное зрелище рассеется как туман, развеется как дым, но эта маленькая, изящная женщина со светлыми волосами, облепленная монетами, не хотела исчезать.

Не хотела исчезать?

Не хотела умирать!

Нет, не может быть...

Мила Павловская. Светлые волосы. Темные глаза. Это не может быть та, которая... о которой так страшно вспоминать.

Ту звали иначе! У нее были темные волосы и голубые глаза!

Лиза цеплялась за эту мысль, чувствуя, что только она способна удержать от панического вопля и бегства. Если она встанет... если Мила Павловская увидит ее и узнает...

Мила Павловская?!

Это она. И она нарочно назвалась этим именем, так отчетливо намекающим на ее подлинное имя!

Это было так очевидно!

Почему, почему Лиза не догадалась раньше, когда еще можно было скрыться?! А теперь...

А теперь останется только снова вступить в битву, которую ты уже считала выигранной.

Напрасно! Всё только начинается!

Или она ошиблась? Господи, сделай так, чтобы она ошиблась!

Между тем Каширский взмахнул руками, и блондинка повторила этот жест.

В то же мгновение с запястья гипнотизера сорвался, сам собой расстегнувшись, браслет с часами и повис на запястье Милы Павловской. И вот уже к ней полетели часы и часики, браслеты, цепочки и даже кольца, которые только что принадлежали зрителям с первых рядов.

— Да это грабеж! — завопил кто-то в зале, и Каширский, словно спохватившись, резко опустил руки.

То же сделала и Мила Павловская. Сейчас же вихрь металла, рвавшийся к ней, потерял свою силу, и все предметы попадали на пол, на колени к сидящим, между креслами. Монеты, облепившие тело Милы Павловской, со звоном свалились на пол, раскатились по сцене.

Поднялась суматоха! Кто-то пытался отыскать между креслами свою пропавшую вещь, кто-то отнимал ее у соседа, который решил, что, если чужие часы или перстень упали к нему на колени, значит, они теперь принадлежат ему.

Каширский пытался успокоить людей, крича что-то в микрофон, который тоже улетел к женщине-магниту, а потом упал на пол, отчего,

вероятно, и испортился, потому что ни слова не было слышно. Загипнотизированные люди, остававшиеся на сцене, растерянно мотались из стороны в сторону, еще не вполне выйдя из транса, который, впрочем, утратил прежнюю силу, а Мила Павловская...

Она стояла на краю сцены и хохотала, так и заходилась, просто-таки корчилась от смеха, глядя в зал. Невыразимое презрение и наслаждение происходящим — эти два выражения сменялись на ее лице, и Лиза окончательно уверилась в том, что не ошиблась, угадала.

Светлые волосы — это парик.

Глаза стали темными благодаря линзам.

Это она.

Кошмар воскрес!..

Но вдруг Лиза заметила, что Мила Павловская перестала хохотать и уставилась на седого человека в синей куртке, который устроился на ступеньках неподалеку от сцены.

Теперь он стоял выпрямившись и смотрел на Павловскую. Потом поднял руку, и лицо женщины исказилось ужасом.

Она узнала его! И Лиза узнала тоже...

В это мгновение из его руки вырвался огонь.

Москва, 1983 год

Дрожь, нервную, трусливую дрожь, которой следовало бы стыдиться, но которая была вполне естественной реакцией на случившееся, тебе удастся унять только в самолете.

Кажется, все хвосты отрублены. Кажется, больше никто не вынюхивает твой след. Во всяком случае, пока! Однако расслабляться нельзя. Конечно, знаменитая Джина, которой ты верно служила, — сущая проходимица и шарлатанка, однако шарлатанка с огромными связями. И Джина сама про себя всё знает, Джина прекрасно понимает, что она никто без своей свиты этих покорных ассистентов, которые и обеспечивали ее удачу. Потому что они действительно владели *силой*, они были в самом деле могучи, а сама «великая целительница» была из тех, о которых сложен едкий анекдотец: если вы пришли к гадалке, стучитесь, а она из-за двери спрашивает: «Кто там?» — сразу поворачивайте обратно!

Однако Джина непотопляема. Она спокойно выживала при прежнем властителе страны, выживет и при этом, и при следующих, которые придут на смену. Но как быть тем, кого она сдала, обвинив во всех своих ошибках, лишь бы выкарабкаться самой? Как быть тем, кого она фактически обвинила в стремительно наступающей смерти человека, которого сама обязалась охранять всей силой своего магического могущества?

Но ведь глава давно, даже не годы, а десятилетия был болен, неизлечимо болен! А уж в последнее время здоровье его стало настолько плохим, что большую часть времени он работал в загородном доме, не вставая с постели. Эта тяжкая болезнь лишила его организм иммунитета, и даже простуда могла превратиться в смертельную опасность.

О нет, Джина все это знала. В гороскопах и предсказаниях, которые делали ее помощники, она могла увидеть даже точную дату смерти правителя. И все же сулила ему успешное выздоровление, долгую жизнь. Но в июле и августе 1983 года, когда даже с закрытыми глазами стала видна близкая смерть этого человека — ему осталось полгода! — и об этом теперь знали все врачи, и не только врачи, Джина бросилась каяться. Она уверяла, что сама была обманута теми, кто подавал ей неверные сведения о состоянии здоровья главы государства. А поскольку